

М.ВЕЛЛЕР

М.ВЕЛЛЕР

ВЕРИТОФОБИЯ

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6
В27

*Оформление обложки Александра Кудрявцева,
Студия «FOLD & SPINE»*

Веллер, Михаил.

В27 Веритофобия/ Михаил Веллер. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 480 с.

ISBN 978-5-17-106949-0

Новая книга Михаила Веллера — это повесть о том, как добраться до своей человеческой сути, перестать бояться правду и видеть жизнь в истинном свете.

Катастрофическое будущее вырисовывается в конце книги.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

© М. Веллер, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2018

«Правда — это то, что полагаю я».

Нерон

«Узнать правду и сохранить рассудок —
высшее испытание для смертных».

Софокл

«Люди слишком трусливы и эгоистичны,
чтобы всерьез желать знать правду».

Люк де Клапье Вовенарг

veritas — истина (*лат.*)

fobos — страх (*греч.*)

veritofobia — так можно назвать упорное нежелание
и неспособность воспринимать правду, достигающее силы
иррационального и полного ее отрицания и боязни.

ШО ЦЕ ТАКЕ

Не в том дело, что все врут. И даже не в том, что часто верят в собственную ложь. А — бегут от правды, как черт от ладана. Кричат нервно и гонят пророков на костер.

Есть боязнь темноты и высоты, замкнутых пространств и людских сборищ, инфекций и воды. Бесчисленные фобии лечат, изучают и описывают. Не лечится только глупость: во что веришь и чего сильно хочешь — то тебе и правда. И бах мордой об стену! Плачет и недоумевает.

Категорическое нежелание знать правду, искренняя неспособность понять ее, раздраженное ее отрицание — о, это история отдельная. И каждый из нас сталкивается с этой прелестью постоянно.

Как я люблю научный стиль! Веритофобия — это психологический и социопсихологический феномен. В таковом качестве он имеет огромное политическое значение — какое имел всегда, но сегодня (2017), в эпоху господства и диктата политкорректности, веритофобия крайне нуждается в выделении, углубленном внимании к себе и всестороннем изучении. Высоконравственному лицемерию Запада сегодня симметричны тоталитарная демагогия России, национальный конформизм Востока и фанатичное единомыслие Ислама.

Боязнь правды, искреннее отрицание правды, невосприимчивость к правде, глухота и слепота перед неотразимыми аргументами правды — не как фигура сознательной лжи, но как особенность сознания и подсознания — давно заслуживает осмысления.

Правда всегда имела ограничения в межчеловеческих отношениях — как императивы и табу ритуала, вежливости, традиций. Ограничения в правде всегда были необходимы в социальной иерархии стаи — где подчиненные самцы и самки выказывали вожаку и высокоранговым самцам не только знаки подчинения, но и демонстрировали преданность и любовь.

Веритофобия всегда входила в любое социальное построение — начиная от первобытной родовой стаи и кончая современным государством. Ты не смеешь говорить в лицо вышестоящим ту правду, которая повлечет за собой суровые репрессии против тебя и всей твоей семьи.

А далее вступает в ход вся корпоративная психология: ценности группы искренне становятся твоими ценностями, а истина группы — это уже и твоя истина тоже. И ты искренне отрицаешь любую информацию, которая противоречит корпоративному мировоззрению и работает ему в ущерб.

Истина и польза, сознательный умысел и подсознательное убеждение оказываются единым целым, переходя и перерастая одно в другое совершенно неощутимо и незаметно для человека — носителя определенной информации и противника информации противоположной.

Ты не смеешь противоречить Императивам и Табу: Закон покарает, Мораль осудит, Совесть сгрызет. Ты не сам по себе, милый: ты часть своей группы.

Характерная особенность веритофобии: разум как потребность понимания отключается — и остается разум как стремление защитить свое устоявшееся мировоззрение любыми информационными спекуляциями и подтасовками. Истина выступает не как адекватная информационная модель реального объекта — но как информационная модель желания и веры, структурированных в виртуальный объект.

То есть: рациональное познание отвергается на уровне психики. Истина — это то, что мне нравится и во что я верю. В конфликте рации и эмоций гармоничного равновесия и согласия быть не может — только преобладание одного над другим: одно доминирует, другое подчиняется и следует за ним, приспосабливаясь.

Веритофобия — это разум защищает веру и гонит прочь разум, доказывающий истину. Это первичность желания и вторичность рассудка. Это победа субъекта над объектом.

Спасибо, я слышу: из задних рядов уже кричат, не могу ли я выразаться проще, без выпендрежа. Мы любим и уважаем задние ряды, мы подчеркнуто бережны к ним, ведь к концу столетия их уже не будет. Так что — да здравствует простота! (Мне такая простота нипочем бы не далась, сказала Флэннери О'Коннор.)

СТРУКТУРА МОМЕНТА: АЙН МОМЕНТ, МОМЕНТО МОРИ!

Страх и трепет, Серен Кьеркегор, экзистенциализм, вцепились на краю пропасти в вечность, мы понимаем, интеллигенты чай; а як же ж иначе. Хотя страх как беспричинное тревожное состояние есть психопатология и требует психоневропатолога и психиатра с курсом лечения, но кто есть врач против философа? клизма для оказания услуг, а мы сплошь мыслители и страдальцы. Где трусу страх — там авантюристу кайф, возбуждение к приключению, борьбе и победе.

Чудное же выражение «Праздновать труса», поддаться страху то есть. Поддался — и сразу легче! лучше! Причем без всяких усилий, без затрат. Введение всенародного Праздника труса очень сплотило бы массы на базе облегченного взаимоотношения.

Страх вообще — это тяга к стабильности. Ярчайшее проявление консерватизма. На тебя что-то лезет — а ты его отталкиваешь. Тебя куда-то тащит — а ты упираешься. Пусть все сохраняется как есть. Изменения чреватые бедой. Ну ее на фиг. Не хочу изменения, оно страшное!! Вот сейчас жить можно — а нечто как грянет, костей не соберешь. Или вариант: если я не достигну вот этой цели — конец: позор, падение, смерть.

В информационном смысле — это реакция на информацию. Негативный стресс как реакция на негативную информацию.

Из этого следует — что? Что не желая события, которое человек не может отменить или преодолеть — он пред-

почитает отвергнуть информацию об этом событии. Грозит крупная неприятность, где ты не в силах что-то изменить — так лучше положиться на бога и судьбу и вообще не думать и не знать о возможном. Иначе депрессия тебя разрушит, и толку не будет, и жить невозможно и уже не хочется... эх, так лучше жить спокойно, весело и продуктивно сколько уж суждено, может все еще и обойдется. Чего, такова наша психология.

Страус не сует голову в песок — это метафорический автопортрет человечества. Борьба с эсхатологией.

...Вот обычный страх — пойти к врачу как возможность узнать об опасной болезни. Ну, желание отсрочить, избежать, гнать плохие мысли, надеяться на лучшее. То есть стремиться к хорошему душевному состоянию покоя и уверенности в лучшем; все обойдется, ничего нет, плохое не обязательно, судьбы все равно не избежать, а, проскочим, фигня, не надо думать. В принципе — стремление к позитивному эмоциональному балансу без тревог и трудов, вера в лучшее. Своего рода психогигиеническая реакция.

Страх творческого провала — и из-за этого человек с творческими наклонностями вообще никому не показывает свои творения, или даже не начинает их делать, или не выставляет на конкурсы, не желая в них проиграть. Чем плохо — так уж лучше никак.

Страх подойти к объекту любви — а вдруг он/она отвергнет, проявит равнодушие или, тем более, надсмеется.

Страх выступить перед публикой — а так ли я хорош, или интересен, не провалюсь ли, не будет ли смеха, позора, презрения, равнодушия — да соответствую ли я той роли, которую на себя беру?..

Страх подурнеть и состариться (обычно у женщин).

И так далее...

Но! Это все страх личности. Есть же страх общественный, социальный, групповой!

Страх перед сильным врагом-соседом-народом. Страх перед атомной войной. Вообще страх конца света — как в ожидании 1000 года у христиан. Страх чумы или холеры в Средние века.

Групповой страх являет себя, естественно, как сумма-система индивидуальных, солидарных, одинаково ориенти-

рованных страхов отдельных личностей. Так сказать, страх системный, проявляющийся в страхе каждой монады, но у всех монад вместе — увеличивающийся, легитимизированный, приобретающий характер объективного отношения к действительности — раз он у всех такой есть.

Так вот. Есть групповой страх перед правдой. Коллективная боязнь правды. Все общество отвергает правду, отталкивает, не хочет видеть и признать. Дискомфортна ему такая правда, очень нежелательна.

Скажем — стихийное бедствие неизбежно, спастись все равно нельзя: так лучше думать, что все обойдется, не в первый раз, гарантий беды нет.

Назовем такой страх перед правдой, боязнь правды — **ВЕРИТОФОБИЯ**.

Особенно явна веритофобия, когда у группы-общества возникает когнитивный диссонанс — то есть явная правдаскверна не соответствует убеждениям группы о правильном, хорошем, желаемом положении вещей, в котором она живет.

Вот так в Советском Союзе хрущевской эпохи люди отвергали мысль о том, что коммунизм порождает зло, а капитализм — гуманнее, производительнее, лучше. Большинство людей верили советской пропаганде — ибо хотели ей верить. Иначе их труд, их лишения, их условия жизни лишались смысла и были обманом и несчастьем. А эта мысль человеку несносна, она ведет к депрессии, болезням, неработоспособности, ранней смерти и вообще это конец счастливой жизни.

А человек устроен в общем и среднем так: если он не может создать себе жизнь, которую полагает счастливой — то он начинает полагать счастливой ту жизнь, которую имеет. Причем искренне полагает, что счастлив — а раз полагает, то так и есть.

На биохимическом уровне счастье человека — это электрохимическая реакция нейронных групп центральной нервной системы на химические соединения, вырабатываемые гормональной системой. Субъективно воспринимается как сильная позитивная эмоция. Объем этих эмоций в течение жизни более или менее определенный, генетически заданный. Поводы к счастью условны. Лишь бы тяжких

лишений и страданий не было — в негативном стрессе биохимия, естественно, меняется. А если основные потребности удовлетворены — безопасность, еда, укрытие, половой партнер, достаточный диапазон впечатлений — то счастье дворника от счастья миллиардера внутренне не отличается. Род занятий и количество миллионов не принципиальны.

Человеку необходимо счастье — чтоб работать, жить нормально, хотеть разного. И если тягость условий не убивает, не превращает вовсе в животное, а все-таки дает возможность жить и что-то делать, иметь какие-то надежды и растить детей — человек может быть счастлив и иметь психологическую мотивацию к жизни и действию, что и есть его суть.

Таким образом. Группа должна верить, что она выживет и будет успешна и счастлива. Если может что-то сделать для этого — то будет пытаться делать. Если не может — навет себе сон золотой.

Но. И вот подошли мы к главному. В истории случаются переломные периоды.

В эти периоды группа, общество, народ, страна, цивилизация — уверовала в необходимость, правильность и благость каких-то действий, мер и взглядов. Искренне полагает, что только так будет правильно и хорошо.

А как группа верит, с чего? А лидеры, основываясь на идеях интеллектуалов, внедряют эти идеи в массы. Как реакцию на вызовы времени, на социальные катаклизмы. Как способ преодолеть несчастья и отказаться от взглядов пагубных, трагических, губительных.

Вот так после Второй Мировой войны дозрел и расцвел буйным цветом современный западный гуманизм и представление о правах человека. О равенстве всех народов и групп, рас и меньшинств. Чтобы не было фашизма и расизма с их ужасами и несправедливостями.

Далее вступает логика развития социальных систем. Какowymi конкретно правят разрастающиеся бюрократические системы. Методом увеличения правил и законов, разветвлением подробностей законов и механизмов их применения. Бюрократия растет, законы и правила множатся и захватывают новые социальные пространства.

Раньше или позже начинается идеологическая дегенерация и деградация. Таков путь всех социальных систем на определенной стадии развития. Вообще любая система во Вселенной проходит все фазы цикла своего существования, впадая после пика и плато в дегенерацию, а затем в саморазрушение.

И вот уже правила и законы, правоприменение в действиях, начинают явно работать во вред системе. Явно разрушает ее.

Но! Великое «но»! Бюрократическая система уже создала и воспроизводит себя на этой именно идеологической платформе. И массы в течение десятилетий усвоили, впитали в кровь, прониклись до мозга костей этими благими идеями — гуманными и справедливыми.

И тогда рождается социальная, групповая **ВЕРИТОФОБИЯ**.

Общество в полном составе впадает в когнитивный диссонанс. То есть — видит одно, а понимает другое. Видит, что его действия разрушают его и ведут к гибели — но имеют в мировоззрении и потому понимают, что надо продолжать жить именно так.

Правда отвергается коллективным сознанием — и сознаниями индивидуальными. Логика против практических следствий мировоззрения, логика и элементарный здравый смысл кричат, что идем к гибели! Да, гибнуть страшно.

Но мировоззрение, система всех убеждений, суммарное представление о должном говорят коллективу и личности — нет, ерунда, мы справимся, продолжаем действовать как надо! Посмотрим на хорошие стороны и не будем акцентировать плохие.

Чем очевиднее губительная реальность — тем сильнее сложная и стройная логика социального сознания отвергает ее, вплоть до иррационального несогласия и страха признать ужасное!

И тогда правда объявляется не просто ложной, не просто вредной, но преступной! Тогда государственная машина скрывает происходящие несчастья и объясняет их чем угодно, но только не гибельностью пути. Тогда ученые и их труды объявляются аморальными, антиобщественными, вредными. Тогда идеология начинает командовать и законом, и справедливостью, и наукой, и искусством.

Начинается тоталитарное идеологическое правление господствующей власти. Ибо социум гонит прочь от себя правду всеми способами — иначе надо признаться в том, что его жизнь, карьеры и труды не имели смысла, а это психике человеческой невыносимо.

...Вот что имеем сегодня мы на Западе. Вот что такое **ВЕРИТОФОБИЯ** либерал-социалистической интеллигенции. Она не в состоянии — искренне не в состоянии!! — принять ошибочность и вредоносность своей деятельности, признать свою неумность, несмотря на образование — и свою вредоносность, несмотря на благие намерения.

ВЕРИТОФОБИЯ разъедает западное общество, уничтожает культуру, губит надежды на справедливость, ведет к исчезновению народов и их культуру, оставляет коренное население стран без родины и без будущего. Ибо элита общества отрицает правду — как было всегда перед гибелью цивилизаций.

Сумеют ли честные люди заставить власть и элиту видеть правду и действовать в соответствии с правдой, а не иллюзиями и умственными конструкциями — покажут немногие предстоящие годы. Мы живем в решительное время. Самое решительное для Европы за полторы тысячи лет.

...Как-кая фигня! Мы живем вообще в самый решающий, поистине судьбоносный, лучезарный и трагический миг человеческой истории. Мы на переломе к глобальному общежитию, где будет все меньше людей и все больше машин.

Поэтому каждый, кто портит нам краткотечные и неповторимые дни нашей счастливой жизни — должен быть повешен! О, нет-нет, в хорошем смысле слова.

И поэтому вспомним о наивных днях и простых вещах, с которых все начиналось...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Наши мамы склонялись над нами,
Дождаясь, чтоб мы уснули,
И морочили нас колдунами.
Обманули!..*